

7. А.М. [Михаил (Семенов), архим.] Христианство и демократия. СПб., 1906.
8. Собрание статей по делу епископа Михаила Канадского. М., 1914.
9. Свенцицкий В.В. Христианское братство борьбы и его программа. М., 1906.
10. Михаил (Семенов), архим. Пророк христианской свободы и свободного христианства. СПб., 1906.
11. Михаил (Семенов), архим. Проклятые вопросы и христианство. М., 1906.
12. Христос в век машин: вопросы религии и общественной жизни. СПб., 1907.
13. Прибавления к «Церковным ведомостям». 1908. № 30. 26 июля. С. 1430–1435.
14. Михаил, еп. Ответ о. Карабиновичу // Старокатолическая мысль. 1915. № 4. С. 349–351.
15. Шагинян М. Человек и время. История человеческого становления. М., 1982. С. 312–349.
16. Михаил, еп. Ответ о. Карабиновичу // Старокатолическая мысль. 1915. № 7. 596–607.
17. Ермичев А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге. 1907–1917: хроника заседаний. СПб., 2007.
18. Панкратов А.С. Ищущие Бога: очерки современных религиозных исканий и настроений. М., 1911. Т. 1.
19. Михаил (Семенов), архим. Двенадцать писем о свободе и христианстве. Письма «о Христе подлинном». СПб., 1909.
20. Брехичев И. Что такое голгофское христианство. М., 1912. С. 5–6.

Статья поступила
в редакцию 12.01.2013

УДК: 94 (98+571)

А.А. СУЛЕЙМАНОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИИ НАУК СССР ПО ИЗУЧЕНИЮ ЯКУТИИ В 1930-е – 1941 гг.

канд. ист. наук,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск
e-mail: alexas1306@mail.ru

В статье на примере Якутии показана исследовательская деятельность учреждений и сотрудников Академии наук СССР на Азиатском Севере в период, начало которого связано с реорганизацией научного центра и его фактической «советизацией», а окончание – с перестройкой работы в соответствии с требованиями военного времени. В связи с этим определены факторы, оказавшие воздействие на масштабы и векторы проведенных исследований; рассмотрена история реализации ряда академических инициатив, выявлены их основные направления и значение, а также отмечены специфические моменты, характеризующие работу Академии наук на Азиатском Севере в 1930-е – 1941 гг.

Ключевые слова: Академия наук СССР, Азиатский Север, Якутия, научные исследования, экспедиции.

В конце 1920-х – 1930-е гг. в нашей стране произошли масштабные трансформации, затронувшие все сферы общественной жизни и, естественно, они не обошли стороной крупнейший отечественный научный центр.

Академия наук в рассматриваемый период была фактически инкорпорирована в сложившуюся модель организации государственной власти и стала, как справедливо заметил В.Н. Кудрявцев, «министерством фундаментальной науки» [1, с. 5]. Влияние произошедшей «советизации» на исследовательскую деятельность АН СССР достаточно подробно освещено в научной литературе [2–5 и др.]. Ее авторы сходятся во мнении, что на первый план в работе Академии наук вышли проблемы, связанные с решением задач экономического развития страны и, прежде всего, с изучением и освоением природных ресурсов (показательны в этом плане следующие данные: в 1937 г. в экспедициях АН

СССР работало 54 отряда, из которых 48 были горно-геологическими¹).

Подобная «ресурсоориентированность» в полной мере проявилась и при исследовании академическими структурами северных районов европейской части Советского Союза – территорий Кольского полуострова и Северного края (современные Республика Коми, Архангельская и Вологодская области) [6, с. 18–68; 7, с. 30; 8, с. 338–341, 350–355; 9, с. 302–317; 10, с. 35–39, 65–84]. Последствия же реорганизации АН СССР для академических исследований на Азиатском Севере к настоящему времени остаются «белым пятном» в исторической науке, равно как и влияние на деятельность Академии в этом регионе различных внешних факторов, включая приоритеты, отданные правительством страны при его освоении. Не исследована также спе-

¹ Архив РАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 32. Л. 17.

цифика организации и развития изысканий Академии наук в Якутии в рассматриваемый период. В данной статье предпринята попытка очертить основные контуры указанной проблематики.

Территория Азиатского Севера была одним из основных ареалов концентрации усилий Академии наук в 20-е гг. XX в., когда проводились Якутская и Североуральская комплексные, а также Таймырская экспедиции. Причем Якутская комплексная экспедиция (ЯКЭ) стала крупнейшей академической инициативой своего времени. Только в полевых исследованиях этой экспедиции приняли участие 246 научных и научно-технических работников. Для ее организации были привлечены 16 академиков, 9 членов-корреспондентов Академии наук, 30 профессоров вузов. В течение 1925–1930 гг. отряды ЯКЭ совершили маршруты общей протяженностью свыше 130 тыс. км, обследовав в том числе территории Булунского, Верхоянского, Колымского и Якутского округов [11, с. 66–103; 12].

В рассматриваемый период исследования Якутской комплексной экспедиции, несмотря на заинтересованность ученых и местных властей [11, с. 110–111], продолжены не были. Среди возможных причин их сворачивания академик А.Г. Гранберг выделяет две основные. Первая – «напряженная политическая ситуация... больно ударившая по якутской интеллигенции и академической среде...». Среди имен пострадавших в годы репрессий участников и организаторов экспедиции он называет В.В. Никифорова, Г.А. Попова, Г.В. Ксенофонтова, М.К. Аммосова, П.В. Виттенбурга, С.В. Бахрушина и С.Ф. Ольденбурга [13, с. 1134]. Этот список следует дополнить именами Д.Н. Халтурина (управляющий делами Академии наук, игравший главную роль в решении финансовых вопросов экспедиции и ушедший в отставку во время работы печально известной комиссии Ю.П. Фигатнера), а также Я.Н. Ростовцева (редактор издательства), А.А. Бялыницкого-Бируля (активный участник полевых исследований), получивших соответственно 10 лет и 3 года исправительно-трудовых лагерей [14, с. 138–139].

Более существенной, однако, представляется вторая причина прекращения работы ЯКЭ, названная А.Г. Гранбергом. Ею стало «появление новых прагматических приоритетов в размещении производительных сил страны: создание Урало-Кузнецкого комбината, освоение Второго Баку, Ангаро-Енисейская проблема, формирование дублирующих промышленных комплексов с целью повышения экономической безопасности страны. Для научного обеспечения этих задач активно привлекалась Академия наук. Без целевой государственной поддержки невозможно было приступить к новому этапу масштабных исследований Якутии» [13, с. 1134–1135]. Действительно, представляется вполне логичным, что в условиях форсированного развития тяжелой промышленности и обострения международной обстановки академические учреждения были ориентированы на проведение крупномасштабных исследований в более доступных в географиче-

ском и инфраструктурном отношении территориях, расположенных значительно ближе к важнейшим промышленным объектам Советского Союза. Это позволило бы получить, например, экономическую отдачу от средств, вложенных в изучение Колымского полуострова и Северного края уже к началу Великой Отечественной войны.

Обеспечение необходимой АН СССР государственной поддержки осложняли и еще два фактора. Как справедливо отмечает Ю.Н. Ермолаева, разведанных участниками ЯКЭ источников полезных ископаемых казалось тогда достаточным для развития горнодобывающей промышленности Якутии. Другие же направления исследовательской деятельности экспедиции являлись для власти фактически приложением к этой основной задаче и считались уже не столь важными [11, с. 114].

Кроме того, рассматриваемый период – время расцвета деятельности Главного управления Северного морского пути (ГУСМП) при СНК СССР, взявшего на себя колоссальный объем функций, включая исследование северных районов страны, и ставшего среди структур, занимавшихся изучением Севера, главным получателем финансовой и политической поддержки со стороны государства. Не случайно яркие знаковые события арктического бума, происходившего в рассматриваемый период в Советском Союзе (вспомним «папанинцев», «челюскинцев» и «седовцев»), связаны именно с ГУСМП. При этом ареалом деятельности данной организации, согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по развитию Северного морского пути и северного хозяйства» от 20 июля 1934 г., объявлялись острова и моря Ледовитого океана европейской части страны и территории к востоку от Урала, расположенные севернее 62-й параллели (на ней находится Якутск) [15, с. 222]. Подразделения ГУСМП, таким образом, при исследовании всего Азиатского Севера получили своего рода право «*prima noctis*» перед другими исследовательскими организациями СССР, включая Академию наук.

В результате в 1930-е гг. структуры ГУСМП только в Якутии организовали крупнейшую Лено-Хатангскую экспедицию (180 участников), Особую Индигирскую и Янскую комплексную экспедиции, осуществили исследования гидрографии Оленёка, Хатанги, Анабара, Лены, Яны, Индигирки и Колымы, провели геологические работы по поиску месторождений угля, золота, олова, полиметаллов, нефти и др. [16, с. 38–51].

Именно в рамках ГУСМП в 1932 г. было создано одно из первых стационарных исследовательских учреждений в Якутии – Якутское отделение Всесоюзного арктического института. Решение СНК ЯАССР, которое обязало все организации, ведущие научно-исследовательские работы в республике, передать свои материалы этой новой структуре [16, с. 42], служит одним из индикаторов места Главсевморпути в иерархии учреждений, занимавшихся изучением Азиатского Севера в 1930-е гг.

Наряду с отмеченными выше гидрографическими и геологическими изысканиями ГУСМП также активно занималось организацией изучения вечной мерзлоты. Для этого на территории Азиатского Севера Горно-геологическим управлением (ГГУ) ГУСМП было сооружено несколько мерзлотных станций.

В год организации Якутской мерзлотной станции (1935 г.) столицу Якутии по приглашению ГГУ ГУСМП посетил и.о. ученого секретаря Комиссии по изучению вечной мерзлоты (КИВМ) (с 1936 г. – комитет) АН СССР В.К. Яновский. Целью его визита были оценка существующего положения и разработка рекомендаций по эффективному развитию работы станции. В ходе поездки В.К. Яновский составил планы и программы исследований для станции. Сотрудникам станции, по замыслам ученого, с одной стороны, следовало проводить всестороннее научно-теоретическое изучение вечной мерзлоты на территории ЯАССР как геофизического факта, а с другой – исследовать вечную мерзлоту в связи с решением прикладных практических задач. В.К. Яновский определил оптимальную штатную структуру станции (12 чел.), конкретные направления изысканий (изучение проблем, связанных с транспортным, промышленным и коммунальным строительством в условиях вечной мерзлоты; вопросы земледелия, водоснабжения, канализации и мелиорации ЯАССР), разработал методику исследований, включая выбор площадок для наблюдения, обосновал рекомендации по способам добычи и обработки полученного материала².

Масштабное присутствие ГУСМП на Азиатском Севере в 1930-е гг., а также структур НКВД, которые занимались главным образом освоением природных ресурсов на севере современного Красноярского края и Колыме, способствовало таким образом развитию научно-консультационной деятельности Академии наук СССР. Помимо деятельности В.К. Яновского сотрудники академических учреждений оказывали экспертно-методическую помощь в организации изучения криолитозоны на мерзлотных станциях ГГУ ГУСМП в Игарке и Анадыре, НКВД СССР в Норильске и Дудинке, проводили специальные изыскания с целью выработки рекомендаций по оптимизации добычи полезных ископаемых, а также повышения устойчивости промышленных и жилищных конструкций на территориях хозяйственной деятельности Главсевморпути и Наркомата внутренних дел³. Эта особая форма деятельности Академии наук способствовала накоплению эмпирического материала в различных академических структурах, развитию на его основе фундаментального знания об арктическом регионе, а также совершенствованию практических навыков проведения исследований в северных широтах у молодых сотрудников. На мерзлотных станциях ГГУ ГУСМП первый опыт научного познания Севера получили ко-

мандированные Комиссией по изучению вечной мерзлоты АН СССР П.Ф. Швецов и П.И. Мельников, которые вскоре, в возрасте 29 лет и 31 года соответственно, возглавили уже самостоятельные академические изыскания в Якутии.

В 1935 г. в Якутии работала также Нижне-Ленская экспедиция Ботанического института АН СССР, в состав которой входили научные сотрудники Б.Н. Горюков и Б.А. Тихомиров⁴. В ходе исследований в окрестностях р. Булун и бухты Тикси ученые собрали материал, характеризующий состояние растительного покрова, происхождение тундровой флоры и ее разнообразие в зависимости от рельефа местности, а также составили описание отдельных видов растений.

Такого рода эпизодическая деятельность академических структур в Якутии имела место вплоть до организации Якутской экспедиции Совета по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР в 1938 г. Ее созданию предшествовали ходатайство правительства Якутии перед руководством страны о возобновлении полноценного академического изучения республики, поддержанное в феврале 1936 г. на II сессии ВЦИК XVI созыва⁵, а также энергичная позиция заместителя председателя КИВМ АН СССР, патриарха отечественной геофизиологии М.И. Сумгина в вопросе о необходимости проведения в Якутии систематических мерзловедческих изысканий [17].

В первый, 1938-й год своей работы Якутская экспедиция проводила полевые исследования под общим руководством М.И. Сумгина силами трех отрядов: агротехнического, мерзлотно-сельскохозяйственного и зоотехнического. Следует отметить, что ни в 1938 г., ни в последующие годы работы Якутской экспедиции, в ее исследованиях, как и в других выявленных академических инициативах, которые были реализованы на Азиатском Севере в 1930-е – 1941 г., не принимало участие более 10 научных сотрудников.

Часть исследований зоотехнического отряда Якутской экспедиции СОПС АН СССР охватывала северные широты, а в их рамках впервые предметом подробного научного анализа стала якутская лошадь. Работы по договоренности с СОПС АН СССР вели сотрудники ведущего иппологического учреждения страны – Всесоюзного научно-исследовательского института коневодства ВАСХНИЛ: М.И. Рогалевич (руководитель), П.А. Скрипин, зоотехники И.И. Чудинов и М.М. Сидоров. В марте-сентябре 1938 г. они совершили маршруты общей протяженностью 9100 км в пять районов республики: Амгинский, Верхоянский, Мегино-Кангаласский, Орджоникидзеvский (сейчас – Кангаласский) и Чурапчинский. В Верхоянском районе ученые обследовали 307 лошадей.

В результате специалисты составили зоотехническое описание якутской лошади, определили ее тип и происхождение, методы разведения, кормления и ис-

² Там же. Ф. 268. Оп. 1. Д. 88. Л. 2–27.

³ Там же. Д. 86. Л. 74–90; Д. 87. Л. 180–193; Д. 129. Л. 2; Д. 185. Л. 2–6.

⁴ Там же. Ф. 174. Оп. 106. Д. 23. Л. 5.

⁵ Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 605. Оп. 1. Д. 627. Л. 13.

пользования животных. Кроме того, была дана краткая характеристика кормовых условий и кормовой базы, изучено влияние экологических условий на изменения типа лошади. Полученные материалы позволили ученым разработать ряд основных мероприятий по оптимизации разведения лошадей в ЯАССР (определение районов возможной метизации, выбор улучшающих пород, организация племенной работы и др.) и фактически заложить основы научной деятельности по коневодству в Якутии, что в условиях, когда основной мощностью «двигателей» хозяйства республики по-прежнему оставались в буквальном смысле лошадиные силы, имело важнейшее практическое значение⁶.

Якутская экспедиция СОПС АН СССР 1938 г. также дала старт последовательным исследованиям по оптимизации строительства в условиях северных широт. В Якутске инженеры М.М. Крылов и А.Т. Морозов провели оригинальные работы по опытному повышению устойчивости зданий (в грунте у основания фундамента ученые помещали зероторы – сосуды с замерзающими при отрицательной температуре специальными рассолами, удерживающими летом отрицательную температуру)⁷.

В 1939 г. участники экспедиции осуществили уже несколько геокриологических изысканий. Мерзлотно-строительный отряд продолжил опыты по управлению тепловым режимом вечномёрзлых пород для повышения устойчивости сооружений. Гидрологический отряд выяснил гидрологические и геологические условия района Якутска, установил характер и мощность водоносных горизонтов, разработал и передал в СНК ЯАССР программу разведки подмерзлотных вод и наметил перспективы их эксплуатации⁸.

Значительный интерес представляют работы Кыра-Нехаранского отряда Якутской экспедиции. Отряд, в состав которого входили 2 научных сотрудника, инженеры П.Ф. Швецов и В.П. Седов, 8 марта 1939 г. выехал из Москвы на место исследований – восточный склон хребта Тас-Хаяхта (Яно-Индибирское междуречье), на речку Кыра (в 500 км северо-восточнее Верхоянска). В задачу отряда входило исследование наледи в нижнем течении Кыры, впервые обнаруженной и бегло описанной руководителем Чукотской экспедиции 1868–1870 гг., колымским исправником Г. Майделем. Отряд 7 мая 1939 г. прибыл на увиденную чиновником наледь в долине р. Кыры. При первом же осмотре ученые определили, что фактически здесь расположена не одна наледь, а три, которые соединяются между собой узкими горловинами. Исследователи дали этим наледям названия, выяснили их размеры и измерили максимальную мощность льда. При изучении генезиса тарынов П.Ф. Швецов и В.П. Седов обнаружили выходы трех источников подземных вод, соответствующих наледям и не замерзающих круглый год. Ученые установили суммарный дебит этих источников (он

оказался колоссальным, равным примерно 3 куб. м/с), состав и температуру воды⁹. По итогам исследований П.Ф. Швецов и В.П. Седов подготовили и в 1941 г. издали монографию [18]. В ней впервые подробно была рассмотрена проблема образования наледей, источником которых, по мнению авторов, являются подмерзлотные глубинные воды.

В том же 1939 г. Комитет по изучению вечной мерзлоты был реорганизован в Институт мерзлотоведения (ИМЗ) им. В.А. Обручева АН СССР. В его состав перешли научно-исследовательские станции в Воркуте, Чульмане, Игарке, Анадыре и Якутске (последние три были переданы в ведение Академии наук ГУСМП годом ранее). 8 февраля 1940 г. Президиум АН СССР «в целях концентрации научных работ по мерзлотоведению» передал Якутскую экспедицию из СОПС в состав Института мерзлотоведения¹⁰. Передача формально завершилась в 1941 г., когда постановлением СНК СССР на базе Якутской экспедиции было организовано первое в республике постоянное академическое учреждение – Якутская научно-исследовательская мерзлотная станция Института мерзлотоведения им. В.А. Обручева (ЯНИМС) АН СССР. Руководство работами Якутской экспедиции Института мерзлотоведения 1940 г., а затем ЯНИМС осуществлял П.И. Мельников.

В 1940 г. сотрудники Якутской экспедиции пробурили первую разведочную скважину на подмерзлотные воды в Якутске и на глубине более чем 300 м установили источник пресной воды. Эти работы позволили А.И. Ефимову, П.И. Мельникову и П.А. Соловьеву открыть Якутский артезианский бассейн [19, с. 25].

Значительное развитие получило инженерное направление исследований, связанное с геотермическими наблюдениями и регулированием температурного режима вечномёрзлых грунтов, а также изучение их свойств в процессе оттаивания и промерзания почвы, что, естественно, имело большое значение для повышения прочности строительных сооружений.

Так, в течение 1940–1941 гг. были проведены работы по изучению влияния покрытий на тепловой режим грунтов. С этой целью ученые провели эксперименты, один из которых должен был выявить значение для температуры почвы отсутствия снежного покрова зимой и травяного в течение теплого времени года, другой – определить влияние наличия теплоизоляционных покрытий. На основе данных, полученных в ходе проведенных опытов, специалисты разработали рекомендации по понижению среднегодовой температуры грунта, включающие способы повышения отражательной способности поверхности почвы и применения в весенне-летнее время теплоизоляционных материалов [20, с. 44–51]. Кроме того, на станции под руководством А.Е. Федосова в 1941 г. были организованы работы по изучению состава вечномёрзлых пород в районе Якутска и реакции содержащейся в них воды на процессы промерзания и оттаивания. В ходе проведенных опытов

⁶ Архив РАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 77. Л. 8–9.

⁷ Там же. Л. 10.

⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 1-1939. Д. 161. Л. 79–80.

⁹ Там же. Ф. 174. Оп. 26. Д. 91. Л. 2–29.

¹⁰ Там же. Ф. 2. Оп. 1-1939. Д. 161. Л. 71.

была установлена температура, при которой начинается промерзание грунтов, изменение удельной доли воды и показателей сжатия объема льда в процессе охлаждения почвы, а также разработан метод прогнозирования усадки фундамента возводимых сооружений в случае оттаивания вечномерзлых грунтов [19, с. 18–43, 52–85]. Следует отметить, что рекомендации, подготовленные сотрудниками ЯНИМС АН СССР по результатам исследований, стали наряду с работой Н.А. Цытовича, проводившего параллельно аналогичные изыскания, новым словом в геокриологической науке.

Таким образом, значительная часть академических исследований, организованных в Якутии в 1930-е – 1941 г., была подчинена практическим нуждам экономики и хозяйства республики, что соответствовало общему тренду развития АН СССР. Существенный импульс при этом был придан инженерной геокриологии. К началу 1940-х гг. Якутия становится одним из полигонов испытания на практике разнообразных проблем прикладного мерзлотоведения. Именно геокриология оказалась тем ядром, вокруг которого в республике происходил переход к стационарным исследованиям Академии наук, к качественно новому этапу академической деятельности в Якутии. Кроме того, рассмотренные инициативы позволяют отметить характерные для работы АН СССР на всем Азиатском Севере особенности: активная научно-консультационная деятельность; ограниченные силы, которыми располагали академические структуры при проведении своих изысканий и их скромные масштабы, а также фактическое отсутствие исследований, связанных поисками и добычей полезных ископаемых. Все эти моменты обусловлены, прежде всего, теми приоритетами, которые существовали в деятельности Академии наук в интересующий нас период, а также появлением в регионе новых акторов – структур ГУСМП и НКВД СССР. Вместе с тем даже такие относительно локальные инициативы позволили значительно раздвинуть границы академического знания о северных районах азиатской части Советского Союза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцев В.Н. Новый статус Академии // Вестник АН СССР. 1990. № 11. С. 5–9.
2. Гранберг А.Г., Штульберг Ю.М., Адамеску А.А. и др. Совет по изучению производительных сил. Этапы становления и развития. 1915–2005. М., 2005. 176 с.
3. Козлов Б.И. Академия наук СССР и индустриализация России: очерк социальной истории. 1925–1963 гг. М., 2003. 272 с.
4. Колчинский Э.И. Переезд Академии наук и ее ленинградские учреждения в 1930-е годы // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках: исторические очерки / отв. ред. Ж.И. Алферов. СПб., 2003. С. 457–481.
5. Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР, 1917–1961 гг. Л., 1988. 261 с.
6. За Полярным кругом. Работы Академии наук на Кольском полуострове за годы Советской власти. 1920–1932 гг. Л., 1932. 81 с.
7. Макарова Е.И. От Тьетты – к Кольской базе АН СССР: история организации Геологического отдела по архивным документам // Минералогия во всем пространстве сего слова. Труды III Ферсмановской научной сессии, посвященной 50-летию Кольского отделения РМО. Апатиты. 27–28 апреля 2006 г. Апатиты, 2006. С. 27–30.
8. Экспедиции Всесоюзной Академии наук 1931 г. Л., 1932. 378 с.
9. Экспедиции Академии наук СССР 1933 г. Л., 1934. 320 с.
10. Экспедиции Академии наук СССР 1934 г. М.; Л., 1936. 510 с.
11. Ермолаева Ю.Н. Якутская комплексная экспедиция 1925–1930 гг. Развитие науки в Якутии. Новосибирск, 2001. 162 с.
12. Ширина Д.А. Изучение Колымского края (по материалам геологической экспедиции 1928–1930 гг.) // Проблемы социально-экономической и политической истории Сибири XX – начала XXI в.: сб. материалов Всерос. науч. конф. (г. Якутск, 14–15 июня 2012 г.). Якутск, 2012. С. 131–134.
13. Гранберг А.Г. О развитии производительных сил Якутии. К 80-летию Якутской комплексной экспедиции // Вестник Российской академии наук. 2005. № 12. С. 1132–1135.
14. Виттенбург Е.П. Комиссия Академии наук по изучению производительных сил Якутской АССР (1925–1930 гг.). Организация и методика работы. Якутск, 2008. 200 с.
15. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о мероприятиях по развитию Северного морского пути и северного хозяйства (извлечение) // Изучение и освоение Арктической зоны России в XVIII – начале XXI в.: сб. документов и материалов. Новосибирск, 2011. С. 220–225.
16. Боякова С.И. Главсевморпуть в освоении и развитии Севера Якутии (1932 – июнь 1941 г.). Новосибирск, 1995. 128 с.
17. Сумгин М.И. К вопросу о перспективах изучения вечной мерзлоты в Якутской Республике // Труды Комитета по вечной мерзлоте. М., 1940. Т. IX. С. 5–26.
18. Швецов П.Ф., Седов В.П. Гигантские наледы и подземные воды хребта Тас-Хаяхатах. М.; Л., 1941. 83 с.
19. Анисимова Н.П. Якутская научно-исследовательская мерзлотная станция // Академическое мерзлотоведение в Якутии. Якутск, 1997. С. 23–27.
20. Исследование вечной мерзлоты в Якутской Республике. Якутск, 1942. Вып. 1. 100 с.

Статья поступила
в редакцию 31.01.2013